

Г.Д. Удалых

ПОЛЬСКИЕ «СЛЕДЫ» В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Польшу и Россию издавна связывали многосторонние культурные и политические отношения, подчас принимавшие трагический характер. Сосуществование двух народов, польского и русского, в пределах единого государства имеет более чем 200-летнюю традицию. В XVII–XVIII столетиях польский язык был *lingua franca* для стран Восточной Европы и оказывал существенное влияние на другие языки славянской группы, в том числе, русский. Через польский язык в русский литературный язык вошло много заимствований из европейских языков.

В истории русских языковых контактов и заимствований польский язык в XVIII в. хотя и не занимал первого места, уступая западноевропейским языкам, в первую очередь французскому и немецкому (1, с. 47–70), тем не менее русский язык той поры пополнился целым рядом лексических полонизмов (5). Справедливо замечание Л.А. Булаховского, который отмечал, что «сближение русского литературного языка с европейскими начинается собственно с проникновением в него полонизмов» (3, с. 30).

Отличительной чертой духовной жизни России во все времена является восприимчивость к культурному (духовному, языковому, художественному) наследию западных соседей. Польское влияние явно ощущается в языке отдельных русских писателей XIX в. (М.Н. Загоскина, А.А. Бестужева-Марлинского, О.И. Сенковского, Н.В. Гоголя, В.Г. Короленки др.). В произведениях писателей первой половины XX века И. Бунина, А. Ремизова, В. Хлебникова, В. Ходасевича, М. Цветаевой, И. Бабеля, воспринимавших Польшу как особое мифопоэтическое культурное

пространство, отразились общие тенденции эволюции «польского текста», индивидуальные варианты его рецепции, связанные с персонально окрашенным восприятием Польши и поляков.

В системе современного русского литературного языка полонизмы представляют собой значительные семантические группы, например, названия жилья, предметов быта, одежды, средств передвижения (*конфедератка, квартира, замша, кофта, карета, козлы, тачанка, магазин «склад», кунштук, каганец «светильник», постолы «обувь»*), названия чинов, родов войск (*полковник, вахмистр, рекрут, гусар*), наименования сословий (*магнат, пан, шляхта, шляхетство*), обозначение действий (*малевать, рисовать, тасовать, клянчить*), названия животных, растений, пищевых продуктов (*кролик, петрушка, каштан, булка, фрукт, миндаль, повидло*) и др. (4).

В статье рассматриваются изменения языковой картины мира в процессе заимствования лексических единиц из польского языка. Анализ особенностей ассимиляции заимствованных польских слов в русском и польском языках показал, что в одних условиях семантика единицы изменяется в соответствии со способом концептуализации, свойственным заимствующему языку, в других случаях система-реципиент заимствует фрагмент иной модели мира. У каждой нации картина мира своя, поэтому и в каждом языке она отражается по-своему: «Мир языковых форм, взятый в пределах данного языка, есть завершенная система обозначения... Переход от одного языка к другому психологически подобен переходу от одной геометрической системы отсчета к другой» (8, с. 252).

Отметим также, что языковая картина мира находится в постоянном изменении – с появлением новых и исчезновением старых реалий, а также в связи с развитием такого живого организма, как язык. Так, если сравнить полонизмы из разных семантических групп, то выяснится, что многие из них устарели в русском литературном языке, но развили новое значение по отношению к этимонам, или получили определенную окрашенность на русской почве. Например, слово *бриль* (польск. *bryl*) (вариант *брыль*) в значении «соломенная шляпа» приобретает в русском языке дополнительные смы: «предназначенная для стариков»: «Он уже снял свой седой парик, отлепил длинные усы, бросил на траву *стариковский бриль* и, наконец, предстал перед глазами жены и детей в своем настоящем виде, с такими знакомыми синими смеющимися глазами»

[Валентина Осева. Динка (1959)] [НКРЯ]¹; «предназначенная как для мужчин, так и для женщин»: «Брыль из рогаза унисекс- его носят как мужчины, так и женщины» (Шляпа Брыль из рогаза) [<http://darunko.pp.ua/ru/shlyapa-bril-iz-rogoza.html>], в то время как подобная шляпа являлась элементом традиционной мужской одежды. В слове появляются дополнительные окказиональные семы, указывающие на изменение функций шляпы: «предназначенная для курортников»: «На голове у него была широкополая соломенная шляпа-брыль – когда-то крестьянский головной убор, который теперь носят уже только горожане на курортах» [Николай Дубов. Небо с овчинку (1966)][НКРЯ].

Ср. также ассоциативно-метафорические окказиональные значения слова, возникающие на основе сходства внешней формы, материала изготовления и др. признаков шляпы: «Широкополая конусообразная шляпа из бамбука, без которой Азию и представить трудно, та самая, в которой киношники любят снимать странствующих монахов, крестьян на рисовых полях, бедных японских самураев и прочих типичных для исторических и приключенческих фильмов героев. В этой шляпе любят пофотографироваться все, ну, просто все. Скажем так: «азиатский брыль» (Г. Стручалина. В пир и в мир//Sadpanda. 2013.06.21) [<http://sadpanda.cn/archives/19198>]. В данном случае мы видим, как изменилось представление в русской языковой картине мира о традиционных элементах крестьянской одежды другого народа.

В отдельных случаях происходит нетождественная «подмена» значения некогда заимствованного польского слова другим словом, например, зразы – «творожники (сырники)»: «РЕЦЕПТ № 1. Творожные зразы с морковью и шоколадом. НУЖНО (на 10 сырников): 500 г творога средней жирности (главное, чтобы он не был «мокрым»), 2 моркови, 3 ст. л. сливочного масла (45 г), 1 ст. л. манки, 1 яйцо, 2 ст. л. сахара, 2/3 ст. муки, 2 консервированных персика, 1/2 плитки шоколада, 1/3 ст. молока, панировочные сухари, оливковое масло» [Комсомольская правда, 2004.02.18] [НКРЯ]; «Еще зразы «по-алма-атински» Горбачевы любили. Это творог, фаршированный цукатами, изюмчиком...» [Труд-7, 2003.06.21] [НКРЯ]; «картофельные оладьи»: «В учреждении были заменены старые плиты, а картофельные зразы с курицей были исключены из меню» [Новый регион 2, 2011.03.29] [НКРЯ]; «РЕЦЕПТ № 1. Зразы картофельные с гриба-

¹ Здесь и далее НКРЯ – Национальный корпус русского языка [<http://ruscorpora.ru>].

ми. НУЖНО: на 2 порции-300 г картофеля, 1 яйцо, 60 г репчатого лука, 150 г грибов, панировочные сухари» [Комсомольская правда, 2004.11.10], а также «*пирожки*»: «Зразы с капустой – это небольшие *пирожки* из картофельного теста с капустной начинкой» [www.wday.ru/cooking/recipe/2-varianta-kartofelnyih-zraz-s-kapustoy/]; «Как приготовить картофельные *зразы (пирожки)* с капустной начинкой» [http://zapisnayaknigka.ru/kartofelnyie-zrazyi-s-kapustoy/]; «Чтобы приготовить *картофельные пирожки* с капустой (*зразы*), нам нужны: картофель...» (Постный рецепт: картофельные пирожки с капустой)[https://solinka-elisheva.ru/postnyj-recept-kartofelnye-pirozhki-s-kapustoj].

См. *зразы*, мн. (польск. *zrazy*). Мясная жареная котлета с начинкой, чаще всего из гречневой каши, иногда с рисом. В русском языке слово известно с 60-х гг. XIX в.; в словарях отмечается с 1907 г. (14, с. 329). Например: «Алла Баянова вспоминала одну из таких столовых в предместье Парижа: фирменным блюдом тут были *зразы с гречневой кашей*» [«Родина», 2007] [НКРЯ].

Слово, служившее наименованием блюда польской кухни, изменилось в русском языковом сознании: с точки зрения состава ингредиентов *зразы* стали сопоставимы с творожниками, с картофельными оладьями, с пирожками, т.е. произошло перемещение экзотического понятия с периферии в центр.

Неисследованным является вопрос о вхождении польской лексики в разговорную русскую речь и диалекты. Очевидно, оно было значительным. Польские слова попадали в русские диалекты в результате непосредственных контактов при совместном проживании русских и поляков на определенной территории. Так, в русском островном говоре молокан Азербайджана присутствуют польские слова (*шкода, шпалеры, каганец, шматок*): это объясняется прежним проживанием сосланных за сектантство молокан вместе с поляками на землях Западной Украины. При этом значения этих слов могут быть как приближены к значению этимона, так и отличаться от него, выступая как омонимы. Приведем примеры: *шко́да*. Озорство. Ко́шкъ *шко́ду* над'ёлътъ, а б'йт' ийи́б жал'къ (11, с. 506).

В польском языке слово *szkoda* имеет два значения: 1. Ущерб, убыток; 2. Жаль, жалко. По мнению Брюкнера, слово пришло на Русь из польского языка, а также связывает его с немецким словом *Schaden* (13). В диа-

лекте произошло семантическое уточнение значения слова *школа*, при этом изменилась аксиологическая оценка: слово «озорство» обладает слабо выраженным отрицательным значением по сравнению со значениями «ущерб, убыток» в слове-этимоне.

В русской разговорной речи слово *школа* имеет несколько значений 1) разг. Убыток, изъясн; 2. разг.-сниж. Шалость, баловство, озорство; 3. м. и ж. разг.-сниж. Озорной, проказливый, шаловливый человек (обычно о ребенке); 4. м. и ж. разг.-сниж. Тот, кто наносит вред, убыток, совершает *шкоду* (12).

Первое значение в слове *шкода* малоупотребительно по отношению к другим зафиксированным значениям: «Вообще хохмить и разыгрывать – обожаю. *По натуре я-шкода*» [Труд-7, 2002.05.08] [НКРЯ]; «На выходе, услышав крик грача, Я задрожал, десятилетний *шкода*» [Василий Аксенов. Новый сладостный стиль (2005)] [НКРЯ]; «Маруся, ох, *шкода!* – давно приметив лукавые ее повадки, говорила мама» [Вацлав Михальский. Весна в Карфагене (2001)] [НКРЯ]; «А я все по твоим глазам вижу, *шкода!*» [Ефим Чеповецкий. Приключения шахматного солдата Пешкина (1986)] [НКРЯ]. Таким образом, в русской языковой картине мира, по сравнению с польской, произошло смещение смыслового акцента с действия на деятеля.

Полонизм *шпак* (польск. *szpak*, букв. «серый скворец») имеет в русских диалектах значение «скворец» (10, с. 595), что соответствует его значению в польском языке. По мнению М. Фасмера, слово является заимствованием из немецкого, где *Spatz* «воробей» (13, т. 4, с. 469). Между тем в разговорной русской речи возникло омонимичное значение: *шпак* (разг. фам. пренебр. устар.). Штатский человек, не военный; демобилизованный; штафирка (обычно с оттенком презрительности) (12). Например: «Интеллигент! – кричал он. – Баба! Дохлый *шпак!*..» [Сергей Довлатов. Наши (1983)] [НКРЯ]; «Вы штафирка! *Шпак!* А я – военный!» [Борис Васильев.] / Были и небыли. Книга 1 (1988)] [НКРЯ]. Возможно, это значение связано с жаргоном военных, см. следующий пример: «– Не знаю. Какой-то *шпак*. *Шпаками* назывались в училище все без исключения штатские люди, отношение к которым с незапамятных времен было презрительное и пренебрежительное» [А.И. Куприн. Юнкера (1932)] [НКРЯ]; «Каких только смешных прозвищ кадеты им не давали: *шпак*, стрюцкий, штафирка, рябчик... каких стихов про них не писали»

[П.Н. Краснов. От Двуглавого Орла к красному знамени (книга 1) (1922)] [НКРЯ]. Произошло изменение аксиологической оценки: слово приобрело стилистическую маркированность.

Слово *шматок* в русском островном говоре Азербайджана имеет значение «небольшое овечье стадо» (11, с. 506). См. в южных говорах: *шмат*. Большой поплавок//Несколько поплавок, связанных вместе (10, с. 595). Здесь возможно проследить связь с количественным значением слова *шмат*, заимствованным через польский *szmat* «кусок», источник которого – немецк. *snate. snatte* «полоска, рубец» (13, т. 4. с. 458), однако в настоящее время эти слова в русских говорах являются омонимами польского слова *шматок/шмат*.

Более устойчивой представляется связь с лексическим значением полонизма *шматок* в разговорной русской речи, где *шмат/шматок* (прост.). Кусок чего-либо отрезанного, отломанного (обычно о еде), чаще – о сале: «И вот его напарник достает большой кусок хлеба и *шматок сала*» [Лев Дурнов. Жизнь врача. Записки обыкновенного человека (2001)] [НКРЯ]; «Если, конечно, под «нормальным образом жизни» не подразумеваются пачка сигарет в день и *шматок сала* на ночь» [Комсомольская правда, 2003.11.18], хотя возможно: «*Шматок жирной рыбы* падал на драгоценный паркет...» [Александр Проханов. Господин Гексоген (2001)] [НКРЯ]; «Угольщик рядом с тобой пьет красное вино, откусывая крепкими зубами толстый *шматок ветчины!*» [Валерий Попов. Будни гарема (1994)] [НКРЯ]; «Санька откусил *шматок*лиственничной *серы*» [Виктор Астафьев. Последний поклон (1968–1991)] [НКРЯ].

Слово *шматок* употребляется в русском литературном языке также в сочетании со словами, не имеющими значение «продукт питания»: «А Мамлакат была рекордсменкой по сбору хлопка, а где его, этот хлопок, теперь возьмешь? Разве что *шматок ваты* в изоляторе» [Алексей Моторов. Преступление доктора Паровозова (2013)] [НКРЯ]; «А если не пылинки, а *шматок грязи*...» [Анатолий Найман. Славный конец бесславных поколений (1994)] [НКРЯ], а также с абстрактными понятиями: «А я вот частенько забываю, что мне снилось, либо помню, но какой-то маленький *шматок* из сна» [Сны (форум) (2005)] [НКРЯ], приобретая значение «фрагмент».

Известный ученый-фразеолог В.М. Мокиенко обнаружил у ряда фразеологизмов, вошедших в русский литературный язык с XVIII до начала

XX в., польский источник: *вешать нос на квинту, до лампочки кому что (до фени, до лампы); по блату; фигли-мигли (выкидывать, строить); выкидывать/выкинуть фортель; давить сачка; на халяву* (6).

Во 2-ой половине XX столетия в русских словарях зафиксировано 30 польских устойчивых выражений, среди которых активно используются в русской публицистике четыре оборота: *огнем и мечом, шоковая терапия, все на продажу, пейзаж после битвы* (9, с. 444). Например: «Единственный способ примирить Ирак – это появление там мощного лидера, который объединит страну *огнем и мечом*, считает Серегичев» [Известия, 2012.06.13]; «Избавится от навязчивого милитаристского невроза-желания доказывать свою правоту исключительно *огнем и мечом...*» [Труд-7, 2003.03.22]; «*Пейзаж после битвы*. Когда первая лодка с бандитами причалила к берегу, они не спеша вышли и направились к своим автомобилям» [Известия, 2007.12.24]; «Так ведь Долгачев и не обещал молодых и красивых. Он обещал типичный *пейзаж после битвы*» [Труд-7, 2003.11.18].

Фразеологический оборот является элементом, словесно отражающим «картину мира» и представления о нем. Так, в русском языке функционируют фразеологические выражения, являющиеся кальками с польского языка, например, *великая штука* (польск. *wielikaszuka* в значении «какая важность»). В языке-источнике этот фразеологизм имеет иронический оттенок, в то время как в русском языке выступает с другим значением и выражает уверенность говорящего в значимости, важности, ценности и т.п. какого-либо действия или его результата: «К тому же народ верит, и небезосновательно, что импортная машина лучше: престижней, надежней, безопасней, комфортней. Имидж, знаете ли, *великая штука*» [«За рулем», 2004.04.15][НКРЯ]; «Военная тайна, конечно, *великая штука*, но от связистов никак ее не убережешь» [Виктор Астафьев. Рассказы (2000) // «Новый Мир», 2001][НКРЯ]; «Тщеславие – *великая штука*. И есть у каждого» [Комсомольская правда, 2002.09.27].

Польский источник прослеживается во фразеологизме *далекий родственник* (польск. *dalekikrewne*), который употребляется в русском литературном языке наряду с фразеологизмом *дальний родственник*. Например: «Он вспомнил, что, в сущности, Щащико ему даже не двоюродный брат, а гораздо более *далекий родственник*» [Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (Книга 1) (1989)] [НКРЯ]; «– Но он мне даже не двоюродный брат, а какой-то *далекий родственник*» [Известия, 2011.11.16]; «Восточ-

ная поговорка гласит: лучше близкий сосед, чем далекий родственник» [Труд-7, 2006.06.24] [НКРЯ] и др. В этом устойчивом сочетании утрачивается указание на родственные связи, настолько они далекие. Между тем во фразеологизме *дальний родственник* эти связи (по родству) прослеживаются, т.к. в текст вводятся семантические указатели, позволяющие усмотреть эти родственные отношения, например: «И тут Чик вспомнил, что Рыжик - *дальний родственник тётки* Нуцы» [Фазиль Искандер. Чик чтит обычаи (1967)] [НКРЯ]; «Скорей всего, он - *дальний родственник* Мелеховых, двоюродный или троюродный дед, причем не по отцу, а *по матери*» [Феликс Кузнецов. Шолохов и «анти-Шолохов» (2004) // «Наш современник», 2004.02.15] [НКРЯ]; «*По отцу* он - *дальний родственник* генерала Назарова, избранного донским атаманом после самоубийства Каледина» [«Вестник США», 2003.07.23] [НКРЯ] и др.

В польском языке употребляется фразеологизм «(пусть) возьмут черти», который носит бранный характер, по сути являясь проклятием. Однако в русском языке этот фразеологизм приобрел характер экспрессивных пожеланий, применяемых в разговорном обыденном дискурсе и обусловленных аффективными состояниями говорящего. Употребление пожеланий с отрицательной экспрессией связано с намерением говорящего выразить свои отрицательные эмоции по отношению к себе, к адресату речи или к третьему лицу: «Пусть меня возьмут черти, но если мы решили мириться, то давайте начнем это делать со всеми!» (Сокольников Л.В. Современная проза) [lit.lib.ru/b/boris_s/]; «Она говорит: «Пусть тебя черти возьмут, а я не возьму, иди домой!» [https://ru.wikisource.org/wiki/Сказки_и_легенды_пушкинских_мест_]; «То горячее сочувствие к этим дикарям, которые-де обижают сильные нации, то полное равнодушие вплоть до того, что *пусть их всех черти возьмут*» (Юрий Никитин. Башня-два) [https://books.rusf.ru › Книжная полка].

По мнению проф. Г.Ю. Богданович, каждому временному отрезку соответствует своя картина мира, которая зависит от этнической принадлежности, социального статуса, группы или отдельной личности (2, с.6). Изменения в общественном сознании носителей современного русского языка в нормативно-ценностной базе, в шкале и полярности аксиологических оценок приводят к изменениям в структуре заимствований (в данном случае, полонизмов) как элементе семантического компонента картины мира современного русскоязычного социума.

SUMMARY

The article is devoted to some aspects of the impact on the Russian language picture of the world of Polish borrowings as a result of contact between the Russian and Polish peoples.

Keywords: language picture of the world, polonisms, stable combinations, dialect, transformation

Литература

1. Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л., *Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования*, Л., 1972.
2. Богданович Г.Ю., *Культурология, лингвокультурология, этнопсихоллингвистика vs полилингвокультурология // Культура народов Причерноморья: [научн. журнал] 2002, № 34, С. 17–25.*
3. Булаховский Л.А., *Исторический комментарий к русскому литературному языку*, Киев 1953.
4. Гадимова Д.А., *Семантико-грамматическая и стилистическая адаптация полонизмов в русском литературном языке XIX–XX вв. Автореф. дис... канд. филол. наук*, Баку 2014.
5. Милейковская Г., *Польские заимствования в русском литературном языке XV–XVIII в.*, Warszawa 1984.
6. Мокиенко В.М., *Давайте говорить правильно! Трудности современной фразеологии. Краткий словарь справочник*, СПб. 2003.
7. Николаева Е.К., *Польский след в русской фразеологии и паремиологии // Литературная и диалектная фразеология: история и развитие (Пятые Жуковские чтения): в 2, т. 1, НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород 2011, С. 184–188.*
8. Сепир Э., *Избранные труды по языкознанию и культурологии*, М. 1993.
9. Хлебда В., *Бытуют ли в русском языке польские крылатые слова? // Rossica Olomucensia XXXVIII (zarok 1999), Olomouc 2000.*

Словари

10. *Большой толковый словарь донского казачества*, М.: Русские словари-Астрель-АСТ 2003.
11. Гулиева Л.Г., Мамедбейли Ф.А., Гейдарова Э.А., Керимова Г.О., *Словарь русского островного говора Азербайджана*, Баку 2005.
12. Ефремова Т.Ф., *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*, М.: Русский язык, 2000. Электронный ресурс: <https://www.efremova.info>.
13. Фасмер М., *Этимологический словарь русского языка*, В 4-х т. М. 1986. Электронный ресурс: <https://www.endic.ru/fasmer/Zraz-4783.html>
14. Черных П.Я., *Историко-этимологический словарь русского языка*, В 2-х т., М. 2002.